

авторов, работающих в жанре фельетона. Накал, связываемый с революционными преобразованиями или консервативным академизмом 90-х гг., заметно снизился, однако стилистика этого подчеркнуто свободного письма получает новый, современный импульс. Так, например, жанр еженедельных фельетонов Максима Соколова, колумниста газеты «Известия», позволяет и сегодня «людям с умом острым и нетривиальным находить глубокие загадки в том, что людям не столь пронизательным представляется очевидным» («Известия» 07.07.06, с.8).

1. Филлипс, Л. Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, – 336 с.
2. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press
3. Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
4. Fairclough, N. (1998) *Political Discourse in the Media: An analytical Framework*, in: A. Bell and P. Garrert (eds.) *Approaches to Media Discourse*. Oxford: Blackwell.
5. Göttert, K.-H., Jungen, O. *Einführung in die Stilistik* München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. – 288 S.
6. Stegert, G. *Feuilleton für alle. Strategien für Kulturjournalismus der Presse*. Tübingen, 1998.

«ЗЕМЛЯ ТЮМЕНСКАЯ»: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Г. Богомяков

**Богомяков Владимир
Геннадьевич**
доктор философских
наук, зав. кафедрой
Тюменского
государственного
университета,
профессор

E-mail:
boga@tyumen.ru

Региональный политический дискурс формируется социокультурной средой региона и, в свою очередь, активно воздействует на неё, формирует её. Компонентами регионального политического дискурса являются образы региона, коммуникативные стратегии и интенции, установки, ценности, мнения и т.п. Важнейшим социокогнитивным компонентом региональной политической идентичности являются ментальные структуры, связанные с формированием региональной идентичности. Посмотрим как конструируется в пространстве социума и культуры идентичность «земли тюменской», центром которой выступает город Тюмень.

«Земля тюменская» всегда считалась Сибирью. В 1803 году для всех земель к востоку от Уральских гор было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство. После реформы М.М. Сперанского начинают различать Западную и Восточную Сибирь (граница их проходила по реке Енисей). К Западной Сибири всегда относили Тобольскую, Омскую и Томскую область. Западная Сибирь – это, как сказал в своё время В.П. Семёнов-Тян-Шанский, «коренная Сибирь». Но недаром Н.В. Кюнер, выступая в 1918 году во Владивостоке, произнёс: «О Сибири

можно мыслить различно!». К маю 2003 года о Тюменской области Центр стал мыслить так, что сделал её частью Уральского федерального округа. А Урал – это совсем не Сибирь: другой мир, другое пространство, другая жизнь (несмотря на то, что от Тюмени до Екатеринбурга всего 300 километров).

В России ли «земля тюменская»? До конца XIX века говорилось о «стране Сибири»; а в блатных песнях и позднее пели: «Перемахнули за Урал, прощай Европа, я удрал в далёкую страну Хамардабан». Страна эта – не привычная Россия, а свободное малообжитое пространство, куда с трудом дотягивает свои щупальца государство, но, с другой стороны, это мрачный край каторги и ссылки на задворках русского orbis terrarum. В конце XIX века прочно утверждается понятие «азиатская Россия» (равноправная во всём русская земля). О единстве России европейской и азиатской много писали В.П. Семёнов-Тян-Шанский, затем – евразийцы. Но, одновременно, живёт в сознании части народонаселения представление о Сибири автономной, отделившейся от России. М.А. Бакунин, один из властителей умов радикальной интеллигенции, считал, что независимость Сибири – дело времени. К началу XX века в спорах централистов с регионалистами и областниками рождаются формула «Россия и Сибирь», лозунг «Сибирь для сибиряков», претензии к метрополии, которая «лишь тормозит развитие Сибири» (Н.М. Ядринцев). Во время существования ССР, настроения сибирского сепаратизма были вытеснены из дневного сознания в глубинное общественное подсознание, но в последние годы находятся влиятельные разжигатели таких настроений, вроде Збигнева Бжезинского (предрекающего образование на постсоветском пространстве России московской, России петербургской, России сибирской и ещё некоторого количества разного рода Россией), а также самого Б.Н. Ельцина, предложившего в свое

время брать суверенитета, кто сколько сможет унести, (что в условиях ослабления государства и падения его авторитета во всех сферах жизни навевает региональной элите сладостные мечты о возможности построения самостийного, сказочно богатого нефтью и газом, княжества). Конечно, сепаратизм – это крайняя позиция, которую разделяют (тайно или явно) лишь незначительное число обитателей «земли тюменской». Однако, всем им, конечно, понятны слова дореволюционного автора М.Г. Гребенщикова о существовании многих России (не в политическом, а в социо-культурном смысле).

Провинциальна ли «земля тюменская»? Если бы этот вопрос задали столичному жителю и попросили бы ответить на него на основании анализа средств массовой информации Тюмени, ее телевидения, или, к примеру, «глянцевых» журналов типа «Я покупаю», то ответ был бы однозначен: да, провинциален. Ибо во всем – чрезмерность, граничащая с китчем, и развязность, проистекающая, видимо, от глубинных подозрений самих себя в провинциальности, и от стремления эту свою провинциальность завуалировать. Однако, ответ на вопрос о провинциальности не столь прост, как это кажется на первый взгляд, ибо дуальная схема «столица – провинция», рождающая сентенции вроде приснопамятной «Москва говорит – Россия слушает!» давно уже не работает: и столица уже не столь столична, и провинция уже не столь провинциальна; к тому же столиц оказывается несколько, а присущая им столичность – различной. Провинция зачастую понимается как территория истинности и сокровенности; лоно плодоносящее и рождающее; место самое близкое к земле; место, где не перестаёт свершаться нечто промыслительное, где хранятся вечные ценности и абсолютные смыслы. Однако тюменская жизнь очень часто бывает по-столичному неподлинной, рождая в мятущихся умах так называемый люкримакс – тягу к настоящему и истинному, которое далеко, – уж никак не здесь, в этом месте, где всё кажется неглубоким, случайным и не имеющим особого смысла. А иногда бывает тюменская жизнь по-плохому провинциальной, обнаруживая болотную аморфную зыбкость, аполитичность, позу некоего вечного жалобщика на притеснения со стороны Москвы. Центр и периферия, друг без друга невозможные, друг друга держат и бросают, друг друга обуславливают и опровергают, растут за счёт друг друга, и терзаются от недостаточности.

Что такое Тюмень: «столица деревень» или центр района нового промышленного освоения? Нефтяной и газовый бум изменил не только облик Тюмени, но и сам её дух. Уже сам глагол «освоение» имеет противоречивые смысловые оттенки: с одной стороны, субъект овладевает чем-то, а, с другой стороны, вынужден изменяться для того, чтобы овладевать. Тюмень, став центром создания нефте-

газового комплекса, утратила прежнюю захолустную целостность, обнаружила в себе нечто совершенно не свойственное ей ранее, нечто незнакомое и чужое; стало происходить глубинное её переустройство. Каков основной отличительный (не административный, но социо-культурный) признак, отличающий «землю тюменскую» от иных краёв и областей? Лет 20 назад титул столицы нефтяного края, как считали многие, выражал специфику Тюмени. А сама «земля тюменская» раскинувшаяся от степей Казахстана до Северного Ледовитого Океана и соединившая в себе несоединимое, казалось, объединена была важнейшей хозяйственной задачей освоения нефти и газа.

Сегодня в Тюменской области автономные округа, входящие в область, стали равноправными с областью субъектами Федерации, в которых идёт освоение месторождений нефти и газа. А Тюмени остался юг области: она уже не «столица деревень» и не «столица нефтяного края», а город с неясным образом и неясной судьбой. Затрудняет региональную идентификацию и большой поток мигрантов (с иными региональными идентичностями). Сегодняшняя идентичность Тюменской земли для многих, приехавших сюда, ассоциируется только с возможностью заработать неплохие деньги, что, естественно, ни в коей мере не передает специфику региона. Внутреннюю идентичность региона выявить сложно; на поверхности – лишь внешние идентификационные образы, преимущественно, экономического содержания.

Мы видим, что налицо феномен, называемый «кризисом идентификации» и характеризующий психологическую сферу эпохи Постмодерна (Дж. Уард). При кризисе идентификации у субъекта разрушается целостное самовосприятие, жизнь уже не кажется идентичной сама себе, наступает кризис мировоззренческой универсалии «судьба». Кризис идентификации связан с ацентризмом, то есть отсутствием фундамента и центра, исчезновением приоритетных осей и точек, что даёт дорогу плюральным аксиологиям, плюральным социальным и культурным контекстам.

На наш взгляд, было бы совершенно неверным рассматривать кризис региональной идентификации лишь в негативном плане. Здесь вспоминается очень интересное понятие «внеаходимость», предложенное в своё время М.Бахтиным. Бахтин употреблял его по отношению к человеку, но внеаходимым может становиться любой субъект, в том числе и регион. В ситуации внеаходимости своя подлинная сущность обнаруживается субъектом в точках несовпадения с самим собой. Внеаходимость – это всегда противоядие против слияния с внешними смыслами и сиюминутными состояниями. Это толчок к удивительной несмысловой активности, позволяющей внесоциально объективировать жизнь, взглянуть за грань унылого коллективно-общинного и унылого анархически-зооморфического жителя-

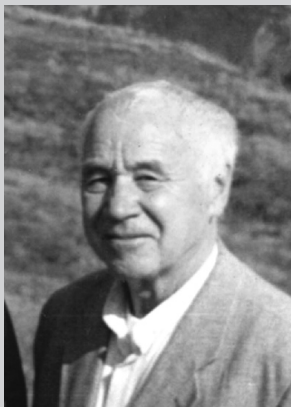
быть.

И вот когда бережно-созерцательный взгляд уходит от внешних отношений с социумом, то «земля тюменская» открывается ему как пространство и воля; как незанятость, незакрепленность, незаполненность, как место для будущего и

будущей свободы; как место где «всё возможно» (М.М. Пришвин), где «бесформенность, хаос, но всё же лик». И гораздо понятнее становятся слова О.Шпенглера о восходе сибирской цивилизации или рассуждения В.Шубарта об исповедании русско-сибирской оценки мира.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ЧТО ПРОИЗОШЛО, КОГДА НЕ СТАЛО ДИСКУРСА «МЫ» И «ОНИ»?

Б.В. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральского государственного университета
им. А.М.Горького

E-mail:
emeljan@r66.ru

Считается, что в менталитете русского народа общее (общинное), соборное, хоровое начало превалирует. Сильны в нем были и диалоговые традиции. Именно эта сторона духовной культуры русского народа наиболее исследована и является в настоящее время в какой-то степени модной исследовательской проблемой. Однако существовала и другая традиция, линия мировосприятия, в основе которой лежало деление на «Мы» («свои») и «они» («Чужие»). И это был уже не диалог, а противостояние.

Это противостояние имело как политические, так и мировоззренческие основания. Хотя началось оно с принятием христианства, которое в основе своей было насильственной заменой веками бытовавшей языческой веры и культуры новой, «чужой», пришедшей из Византии верой и культурой, это сторона отечественной культуры мало изучена. И понятно, почему: она не делает чести русской культуре, мы ее стыдимся, поскольку это противостояние, политические судьбы русской культуры вписали в ее историю печальные а порой - трагические страницы. Считаю возможным утверждать, что история отечественной культуры в дискурсе «мы» и «они» является актуальной, малоизученной проблемой.

Наиболее выпукло и бескомпромиссно этот дискурс проявил себя в русской культуре первой четверти XX века, приобретя публицистическое выражение в формуле «от серебряного века к железному».

Еще до революции 1917 г. в стране противостояние различных идейных, и философских направлений общественной мысли приобрело непримиримых антагонизмов. Самодержавие и православная церковь силой принадлежащей им государственной машины отстаивали незыблемость постулатов своего существования. Любые посягательства на них жесточайше преследовались. Одним из ярких примеров такого противостояния являлось отлучение в 1901 г. от церкви Л.Н. Толстого (См.: Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979). Борьба церкви с «инакомыслием» на поле отечественной культуры - это особая и во многом еще малоисследованная тема. Кредо церкви «веровать, но не умствовать» означало неприятие любого свободомыслия, любого недогматического толкования ее постулатов. Неудивительно, что церковь не просто потеряла авторитет, от нее отвернулись, ушли, кто в марксизм, кто в мистику и масонство лучшие представители русской культуры.

С другой стороны баррикад, разделявших русскую культуру на «своих и «чужих», были радикальные силы русской интеллигенции, объединившие в своих рядах талантливейших представителей русской культуры. Им была присущая уверенность, что только они обладают знанием того, что нужно России, ее народу и культуре. Их радикализм по отношению к официальной идеологии и культуре выражался в бескомпромиссных суждениях по отношению к идейным противникам. Как писал А.И. Герцен еще в 1850 г., «из них учреждена своя радикальная инквизиция, свой ценз для идей» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т.5. С.202). Леворадикальная линия развития отечественной культуры (революционные демократы, народники, большевики) отличалась критикой и неприятием официальной культуры. Ее кредо «кто не с нами, тот против нас» сформулировано В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), а картина воплощения его на практике представляла мозаику лозунгов «долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» (Маяковский В.В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С.7). Эти лозунги «левых» деятелей культуры